

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА*

Диакон Дионисий Макаров
/ Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной
академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д., диак. Победа над смертью в творчестве И. С. Шмелёва // Богословский вестник. 2024. № 4 (55). С. 297–313. DOI: 10.31802/GB.2024.55.4.016

Аннотация

УДК 82.091 (27-29) (821.161.1)

Основная цель исследования — продолжить изучение проблемы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, в частности выявить, как автор разрешал самые главные проблемы: преодоление страха смерти и победу над смертью. В работе применяются сравнительно-исторический метод и метод филологического анализа. Рассматриваются художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречается тема смерти, в том числе, романы «История любовная», «Лето Господне», повесть «Росстани» и др. Наиболее важные результаты исследования: страх перед смертью преодолевается верой в то, что за гранью смерти не гроб и тёмная могила, а Царство Небесное, в котором душу праведника встречает Иисус Христос; жертвенная любовь сильнее смерти, она возводит человека к самому Христу, уподобляет Сыну Божию, Который по любви принёс Себя в жертву за спасение мира.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Ивана Сергеевича Шмелёва, тема смерти.

* Цикл статей. Окончание. 1-я часть опубликована: Макаров Д., диак. Тема смерти в творчестве И. С. Шмелёва. К постановке проблемы // БВ. 2024. № 1 (52). С. 335–352; 2-я часть опубликована: Макаров Д., диак. Память смертная и светоносная смерть в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2024. № 2 (53). С. 236–259; 3-я часть опубликована: Макаров Д., диак. Внезапная и предугаданная смерть в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2024. № 3 (54). С. 297–316.

Victory over Death in the Works of I. S. Shmelev**

Deacon Dionysius Makarov / Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dionysius, deacon. "Victory over Death in the Works of I. S. Shmelev". *Theological Herald*, no. 4 (55), 2024, pp. 297–313 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.55.4.016

Abstract. The main goal of the study is to continue studying the problem of death in the works of I. S. Shmelev, in particular, to identify the author's understanding of solving the most important problems: overcoming the fear of death and victory over death. The work uses the comparative historical method and the method of philological analysis. To achieve this goal, the artistic works of I. S. Shmelev are analyzed, in which the theme of death is found, in particular, the novels «Love Story», «Summer of the Lord», the story «Rosstani» and others. The most important results of the study: the fear of death is overcome by the belief that beyond death there is not a coffin and a dark grave, but the Kingdom of Heaven, in which the soul of the righteous is met by Jesus Christ; sacrificial love is stronger than death, it elevates a person to Christ himself, likens him to the Son of God, Who out of love sacrificed Himself for the salvation of the world.

Keywords: literature of Russian abroad, the work of Ivan Sergeevich Shmelev, the theme of death.

** Series of articles. End. The first part was published: *Makarov D., deacon. The Theme of Death in the Works of I. S. Shmelev. To the Problem Statement // Theological Herald. 2024. № 1 (52). P. 335–352*; The second part was published: *Makarov D., deacon. Mortal Memory and Luminous Death in the Works of I. S. Shmelev // Theological Herald. 2024. № 2 (53). P. 236–259*; The third part was published: *Makarov D., deacon. Sudden and Predicted Death in the Works of I. S. Shmelev // Theological Herald. 2024. № 3 (54). P. 297–316 (in Russian).*

Введение

В заключительной статье, посвящённой изучению проблемы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, поставлена задача выявить авторский взгляд на преодоление страха смерти и победу над смертью. Анализируются художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречаются вышеуказанные аспекты проблемы смерти, в частности, романы «История любовная», «Лето Господне», «Няня из Москвы», повесть «Росстани» и др.

1. Почему смерть не страшна

В монографии об И. С. Шмелёве её автор О. Н. Сорокина отмечает:

«В мажорном тоне выдержаны и похороны Лаврухина. <...> Последние проводы в “день свежий, омытый ночным дождем” похожи скорее на праздничный гомон деревенского крестного хода, где надгробное рыдание сбивалось бабьими голосами на песню, а поминки после похорон “шумели так, что было похоже на именины”. <...> впечатление выносимое читателем — торжество жизни»¹.

Смерть Данилы Степановича — героя повести И. С. Шмелёва «Росстани» — оказывается совсем не страшной. Но в иных случаях смерть может быть очень трагична, например, в романе «История любовная», когда погибает кучер Степан или когда убивают пастуха и его невестку:

«Страх ее [Паши. — Д. М.] передался и мне. Я почувствовал его в ней, в себе, в темных уголках сений, в реве быка оттуда, в желтых огнях окошек — во всем, что было»².

Страшно и Ване — автобиографическому герою романа «Лето Господне» — смотреть на гроб внезапно умершего в самом начале Великого поста купца Жирнова:

«Я смотрю на выпушку обивки, на шуршащие трубочки из коленкора, боюсь заглянуть вовнутрь...»³.

Но смерть Данилы Степановича Лаврухина («Росстани») никого не страшит. Почему?

О. Н. Сорокина объясняет это «панпсихизмом»⁴ И. С. Шмелёва, его влюблённостью в природу, которая выражается в повторяющихся

1 Сорокина О. Н. Московяна: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. Москва, 1994. С. 347.

2 Шмелев И. С. История любовная XXXVII // Он же. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). Москва, 1999. С. 186.

3 Шмелев И. С. Лето Господне. Праздники. Ефимоны // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 1998. С. 26.

4 Сорокина О. Н. Московяна. С. 354–355.

во многих произведениях мотивах: «слиться с природой», «уйти в природу». Она также считает, что «в единении с природой ищут они [герои И. С. Шмелёва. — Д. М.] возможности обрести источник красоты и правды жизни, [и что] полная гармония тела и души может быть достигнута только с возвратом к источнику жизни — к природе»⁵. По мнению О. Сорокиной, герой повести «Росстани» достигает такого слияния с природой, «[а сама повесть является] одной из самых пантеистических повестей <...> гимном природе и торжеству жизни». Но почему торжество жизни, если человек умер? Потому что со смертью жизнь не прекращается, говорит О. Сорокина:

«В непрерывной симфонии природы, в постоянно сменяющихся и обновляющихся ее красках и звуках смерть теряет свой устрашающий облик и воспринимается как необходимое звено в бесконечной цепи жизни»⁶.

Но это не жизнь бессмертной души, а только жизнь природы, бесконечная жизнь, но не человеческой личности, а мира в целом имеется здесь в виду — настоящий пантеизм, материализм. Без сомнения, пантеистические мотивы присутствуют в повести, так как повесть эта — в контексте всего творчества И. С. Шмелёва — ранняя, написанная в 1913 г., вероятно, под некоторым модным пантеистическим влиянием начала века. И с таким прочтением повести можно было бы согласиться, если бы не звучали в ней так ясно христианские мотивы, если бы автор не акцентировал внимания на том, что в начале повести душу героя охватывает грусть и тревога (а этого не должно было быть при пантеистической идее, что смерть — только «необходимое звено») при воспоминании о том, что он сам не готовится к смерти, при сравнении себя со схимонахом Сысом, которого Данила Степанович посещает в монастыре. В рамках чисто пантеистической идеи все равно, готовится человек или нет, и кто именно умирает: схимонах Сысой, Данила Степанович или кто-либо другой — неважно, ибо любой человек — часть природы.

Такое пантеистическое примирение, о котором говорит О. Н. Сорокина, более характерно для И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, нежели для И. С. Шмелёва. Так, И. С. Тургенев в финале романа «Отцы и дети» говорит от лица автора о родителях Базарова:

«Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное,

5 Сорокина О. Н. Московянина. С. 355.

6 Там же. С. 347.

грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...»⁷.

Прежде всего, здесь идет речь, конечно, о бесконечной жизни природы, хотя содержится и робкий намек на бесконечную жизнь отдельной человеческой личности.

Тот же мотив — вечно продолжающейся жизни и самодостаточного бытия природы, несмотря на смерть кого бы то ни было (дерева или человека), — звучит у Л. Н. Толстого, в частности, в его рассказе «Три смерти»⁸. Люди и природа продолжают жить и радоваться, более того, смерть одного делает жизнь других более удобной, просторной. Умиравший «дядя Хведор» оставляет свои новые сапоги Серёге, срубленное дерево освобождает простор другим деревьям. Также и Иван Ильич («Смерть Ивана Ильича»), умирая, думает о своих родных:

«Им лучше будет, когда я умру»⁹.

Даже не легче, а лучше. И автор вполне согласен с этой мыслью. Об этом свидетельствует его концепция смерти.

Причем у Л. Н. Толстого создается страшная картина бытия, где смерть одного является облегчением и радостью для другого. У Л. Н. Толстого мир устроен так, будто бы все пожирают друг друга, стремятся завладеть достоянием друг друга, отодвинуть друг друга, чтобы распространиться самому. В центре мира, по Л. Н. Толстому, отнюдь не жертвенная любовь, а эгоистическое стремление к самоутверждению, самолюбию во всех его формах.

И. С. Тургенев в этом смысле больший реалист, он более правдив и наблюдателен. Он не стремится по-своему понять героя, а стремится открыть то, что в нём есть, тут же высказав и свою личную точку зрения. И. С. Тургенев не высказывает окончательного решения и не претендует на полноту проникновения в тайну человеческой души, как делает это Л. Н. Толстой.

Но герои Л. Н. Толстого почти всегда являются отображением его собственных мыслей и переживаний, поэтому отношение к смерти «другого» человека у его персонажей вполне определённое: «всем только лучше будет». Это очень далеко от христианского понимания смерти.

7 Тургенев И. С. Отцы и дети XXXVIII // ПСС. 1981. Т. 7. С. 188.

8 Толстой Л. Н. Три смерти // ПСС. 1979. Т. 3. С. 59–71.

9 Он же. Смерть Ивана Ильича // ПСС. 1982. Т. 12. С. 107.

У И. С. Шмелёва совершенно иначе: смерть «другого» не облегчение для оставшихся, а самая большая скорбь. Пример тому — смерть Сергея Ивановича, отца Вани, в романе «Лето Господне». Просветляется же смерть надеждой, умиротворением и даже радостью только благодаря вере в воскресшего Христа и во всеобщее воскресение мёртвых.

В центре мира у И. С. Шмелёва — Сын Божий, Христос Воплотившийся, пришедший умереть за всех, спасти всех, воскресить всех.

И. С. Тургенев удивляется парадоксальному спокойствию русского человека перед лицом смерти:

«Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно, и просто»¹⁰.

Автор недоумевает, как может это быть, как можно так спокойно относиться к смерти:

«Спрашиваю шепотом: “Причастили его?” — “Причастили”. Ну, стало быть, и все в порядке: ждёт смерти, да и только»¹¹.

Из авторского тона хорошо заметно, что сам он явно недооценивает важность и величие таинства Причащения, ему нужно что-то ещё сверх него, видимо, какие-то эмоции, гамлетовские вопросы или нечто в этом роде.

Для И. С. Тургенева, человека, воспитанного в рамках западноевропейской культуры, спокойствие русского мужика — загадка. В Европе уже утратили это чувство, основой которого является правая вера. Так умирали и так относились к смерти в Европе только в эпоху раннего Средневековья, до отпадения Римской Церкви от Вселенской Православной Церкви:

«Люди раннего Средневековья относились к смерти как к обыденному явлению, которое не внушало им особых страхов. <...> Но и сам этот уход не воспринимался как полный и бесповоротный разрыв, поскольку между миром живых и миром мертвых не ощущалось непроходимой пропасти»¹².

А в России такое отношение к смерти сохранилось среди простого православного народа и в начале XX в. И. С. Шмелёв отразил это сознательно, указав причину, а И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой описывают это

10 Тургенев И. С. Смерть. (Из цикла «Записки охотника») // ПСС. 1979. Т. 3. С. 202.

11 Там же. С. 203.

12 Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Москва, 1992. С. 12–13.

отношение чисто эстетически, как художники, столкнувшиеся с таким изумительным, но не понятным им явлением.

У Л. Н. Толстого крестьяне именно так относятся к смерти: «Божья воля. Все там будем»¹³, — говорит Герасим, слуга Ивана Ильича.

У И. С. Тургенева Лукерья («Живые мощи») понимает, что в загробной жизни она освободится от своих болезней:

«Эта собачонка [виденная ею во сне. — Д. М.] — болезнь моя <...> в Царствии Небесном ей уже места не будет»¹⁴.

Сон Лукерьи о Христе — это ответ на вопрос, почему так спокойно умирают русские люди: потому что они имеют усвоенную веками и многими поколениями православную веру в то, что после Воскресения Христова смерти больше нет, а есть «усупение» до всеобщего Воскресения и Страшного Суда, а совсем не потому, что считают свою личную смерть «[необходимым звеном] в бесконечной цепи жизни»¹⁵ пантеистически понимаемой природы. Также у И. С. Шмелёва в «Росстани» присутствует «торжество жизни» даже в похоронах и поминках, господствуют «мажорная тональность» и «жизнеутверждающее настроение», потому что со смертью не только не прекращает существовать личность человека, но и бессмертная душа не умирает, по выражению героя другого произведения («Лето Господне») И. С. Шмелёва:

«Все души бессмертные, не отмирают... А тела... воскреснут... и жизнь будущего века...»¹⁶.

Конечно, и у И. С. Шмелёва в «Росстани» звучит мотив равнодушной природы (особенно сильно он зазвучит позже, в эпопее «Солнце мертвых»). Человек умер, образовавшейся пустоты не заметила природа:

«Уже поднялось солнце, и все заиграло промывтой зеленью, и подсолнухи за забором смотрели загоревшимися шапками — теперь будут следить за солнцем. Сочно глядел сырой Медвежий враг, как глядел и тогда, давно, когда в теплую ночь июня, в рядовой избе Степана Лаврухина родился Данила Степаныч»¹⁷.

Природа одинаково взирает и на рождение, и на смерть. Это истина. И реализм отражает её. Но все же смысл радостной эмоциональной окраски концовки повести в другом. Плач и молитва «сбивались бабьими

13 Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // ПСС. 1982. Т. 12. С. 61.

14 Тургенев И. С. Записки охотника // ПСС. 1979. Т. 3. С. 337.

15 Сорокина О. Н. Московянина. С. 347.

16 Шмелев И. С. Лето Господне. Скорби. Похороны // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 1998. С. 385.

17 Шмелев И. С. Росстани XIII // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1998. С. 206.

голосами на песню»¹⁸, похороны походили на «праздничный гомон <...> крестного хода»¹⁹, а поминки путали с именинами, потому что теперь душа рождалась для вечной жизни (смерть — третье рождение). «Дай Бог царство небесное!»²⁰ — именно в этой вере секрет парадоксальности «мажорного тона» данной повести о смерти. Этой светлой тональностью концовки автор хочет показать, что душа Данилы Степановича получила прощение, что милостыня, которую он начал творить по совету старца, принесла свои плоды, что Промысл Божий через схимонаха Сысою спас грешника от окончательной гибели, что душа героя не умерла окончательно, что она оказалась способной откликнуться на Божий призыв к покаянию и милосердию.

Таков глубинный христианский смысл повести. Образ Данилы Степановича вполне соотносится с образом евангельского Закхея — мытаря, человека богатого и грешного, но спасающегося милосердием. «Сказано, буди милостив»²¹, — эти слова монахинь покрывают всё и дают ответ о последней судьбе героя.

В самой фамилии героя повести «Росстани» (Лаврухин) звучат одновременно два слова: «лавр» и «лавра». «Лавра» связывает его с монастырем (любимая И. С. Шмелёвым Троице-Сергиева Лавра), а «лавр» отсылает читателя к лавровому венку и далее — к венцу, который получают входящие в Царство Небесное. Оба слова имеют положительную смысловую оценку, поэтому, хотя и не достаивается Лаврухин христианской кончины в полной мере (возможно, это связано с тем, что в это время И. С. Шмелёв ещё и сам был не в полной мере воцерковлён, хотя его творческий акт с самого начала был в глубине своей глубоко религиозным и православным), однако насколько герой может вместить, настолько он всё же успевает подготовиться к смерти, и она не застаёт его совсем уж внезапно, как, например, купца Жирнова или как грешников из романа «История любовная», чья душа уже не способна вырваться из колец грязного, поганого Греха:

«Казалось невероятным, что Маньку и пастуха убили! что их и на свете нет. Только вчера я видел, как она тянулась из окошка, розовая и белая, с красными яркими губами, красавица, молодая, Манька! Теперь <...> под лоскутным одеялом, в грехе и неживая. “Молодую” положат в гроб! И — страшная будет Манька, не женщина.

18 Шмелев И. С. Росстани. С. 210.

19 Там же.

20 Там же. С. 211.

21 Там же. С. 203.

И душа ее вся — в грехе <...> не беленькая и чистая, которую я видел в поминаньях, взирающая на муки с трепетом, стоя на облачках с ангелом, ручки крестом сложивши, а раскаленная докрасна, с лицом, искаженным мукой, душа-блудница! Я смотрел на дом пастуха и мысленно видел — грех. Зеленый, жирный, черно-пятнистый Змий вытянулся на доме, на сараях, ползет повсюду, опутывая своими кольцами — грязный, поганый Грех. В петлю попала “молодая”, и с ней — пастух»²².

В другом произведении — романе «Няня из Москвы» И. С. Шмелёв, изображая смерть супругов (Глафиры Алексеевны и Константина Аркадьевича — родителей главной героини романа Кати), показывает, что человек, даже зная о предстоящей смерти, но не имея веры и чувства покаяния, может отвергнуть протянутую ему Руку Промысла Божьего. Так, Глафира Алексеевна не хочет готовиться к смерти, до последнего надеется выздороветь:

«О смерти-то? Думать-то думала, а не готовилась, жить хотела»²³.

И Константин Аркадьевич, хотя и знает о смерти, но отказывается от покаяния и причащения, он пребывает в унынии и неверии. Это значит, что душа его уже погибла:

«Мне милости не будет, <...> у тебя Бог есть, а у меня ничего, я и молиться разучился...»²⁴.

Няня, которой автор доверяет свое мнение, подводит итог его жизненного пути:

«Так и не исправился, [т. е. без покаяния. — Д. М.] отошел»²⁵.

Причина такого ожесточения хорошо ясна из контекста романа — греховная жизнь без мысли об исправлении, желание только земных благ, наслаждений, неверие.

Константин Аркадьевич — доктор. Он проводит незаконные операции, убивает младенцев во чреве, изменяет жене, участвует в заговоре против царя. Глафира Алексеевна тоже не безгрешна: изменяет мужу. Вместе они обманывают тётю, выпрашивая у неё деньги на лечение придуманных болезней. В итоге их жизнь становится невыносимой. Медсестра Анна Ивановна говорит об их жизни:

22 Шмелёв И.С. История любовная XXXVII // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 6. С. 185.

23 Шмелёв И.С. Няня из Москвы // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 3. Москва, 1998. С.81.

24 Там же. С. 82.

25 Там же. С. 84.

«Ведь это живой ад! — Бога у них нет»²⁶.

Уже сейчас их души — это ад, где кипят различные страсти, где зло некротимо. И они не понимают, что живут неправильно. Даже перед лицом смерти не каются, умирают: она — в припадке злобы, он — в унынии. Оба — в смертных грехах. От своего литературного предшественника, Евгения Базарова, они унаследовали неверие и эпикурейство, но мужество его потеряли.

Этот пример ценен тем, что в нём И. С. Шмелёв очень тонко и точно раскрывает психологию грешника. Автор показывает, что греховная жизнь полностью омрачает сознание и затмевает правые понятия о вещах, в том числе о смерти и загробной жизни. Смерть данных героев оставляет чувство горечи и глубокое сожаление о погибших душах.

Таким образом, И. С. Шмелёв показывает, что закоренелые грешники, даже узнав свой час, не делают ничего для своего спасения. Может быть, поэтому-то и лишаются они, большей частью, возможности христианского приготовления к смерти, смерть настигает их внезапно, потому что Господь заранее знает, что, даже если дать им возможность исправления или покаяния, они все равно не воспользуются ею.

Этот вывод оптимистичен для тех, кто имеет хоть слабую веру и желание покаяния и спасения. И. С. Шмелёв показывает, что Бог есть Любовь и Он до конца стремится спасти человека, что Он хочет спасти человека, всё дело только в его собственной воле, в его вере и желании спасения и покаяния! И смерть, по Шмелёву, не страшна, потому что за ней — Бог-Любовь.

2. Победа над смертью

Концепция смерти в прозе И. С. Шмелёва была бы не полной, если не сказать о самом главном — об утверждаемых писателем путях спасения из лап смерти. И этот путь — жертвенная любовь, только она спасает человека от смерти у И. С. Шмелёва. Наиболее ярко раскрыта эта идея в романе «История любовная». По сюжету романа главный герой, Тоничка, в результате своих любовных злоключений и чрезвычайного перенапряжения ума и сердца заболевает воспалением мозга. Духовной же причиной болезни (которая более всего и важна здесь для И. С. Шмелёва) является грех, обольщающий героя, увлекающий его в свои сети. Сильнейший приступ случается с Тоничкой во время свидания с Серафимой в Чёртовом овраге Нескучного сада. Первоначально казавшаяся герою идеальной, Серафима оказывается порочной женщиной, к тому

26 Шмелев И. С. Няня из Москвы. С. 81.

же еще и с искусственным, «мертвым» глазом. Возгоревшись страстью к Тоничке, Серафима пытается его совратить. Он же не может ответить ей на это, поскольку с ним случается приступ, но все-таки в большей степени потому, что его чувства носят идеальный характер, он и не думает ни о чем таком, а лишь о чистой и вполне романтической любви:

«Зачем она завела в овраг?.. зачем мы пришли сюда?.. Я устал... мне хотелось тихо любить ее, говорить нежные-нежные слова, сидеть рядом и говорить о моей любви. А она беспрестанно обнимала, тормошила, сжимала мои руки, кричала в уши и пахла до тошноты духами»²⁷.

Тоничка, не разглядев её как следует, вообразил воплощение своего женского идеала, который сформировался у подростка под влиянием образа Зинаиды — героини романа И. С. Тургенева «Первая любовь». Но при близкой встрече кажущаяся прелесть спадает с её образа, падающее пенсне открывает «страшный» искусственный глаз (глаза в народном понимании — зеркало души, именно этой символикой обладает их образ в романе):

«Она повернулась ко мне лицом, и я увидал глаза... Я увидал только один глаз... страшный! Я увидал темные, кровавые веки, напухшие, без ресниц и неподвижный, стеклянный глаз! Этот ужасный глаз смотрел на меня безжизненно... “Не хотела снимать пенсне... — прошло у меня в сознании, — она кривая... урод!..”»²⁸

При этом урод не только физический, а, что более важно, нравственный, ибо здесь у Шмелёва внешнее уродство есть знак уродства морального. Мёртвый глаз — мёртвая душа, это уже не человек (дух, душа и тело), а только тело, одержимое грехом, нечистое, порочное, живущее только телесной жизнью.

И сама Серафима видит в Тоничке прежде всего тело, а не душу:

«Милое мое тельце... Тоник... Славный ты мой... До чего я тебя люблю, цветочек!..»²⁹

В бреду Тоня видит такое видение:

«Она тянула меня в овраг. <...> Я падал с нею в мертвую черноту оврага...»³⁰

27 Шмелев И.С. История любовная. С. 215.

28 Там же. С. 216.

29 Там же. С. 215.

30 Там же. С. 218.

Именно это падение в «мертвую черноту оврага» — в пропасть греха — и является главной причиной болезни героя. Грех является в бреду героя в нескольких образах: чёрного оврага, чёрного быка, страшного глаза:

«Помню — самое страшное — мохнатого черного быка. Он гнался за мною всюду. Я взбегал на страшную высоту, над бурным, пылавшим морем, — он лез за мною... Он ревел в темноте оврага, подстерегал меня за стеной, за дверью. Он был огромный, с кроваво зиявшим глазом. Кровью мутился глаз, истекал ужасом, отвращением, — прожигал меня. Смерть была в нем — я знал. И вот, мохнатый настиг меня. Он поднялся черным горбом, и смрадный, палящий глаз брызнул в меня огнями. *Что-то* спасло меня... — сверкающая льдина?.. Она закрыла. Меня понесло, качая... Накрыло белым. Мне стало холодно...»³¹

В этом видении автор раскрывает причину возможной смерти героя — нападение «мохнатого» быка — греха, в котором смерть. Тоничка был уже почти мёртв. Его спасение — чудо. Именно так говорит доктор Эраст Эрастыч (а чудо, засвидетельствованное доктором, становится наиболее убедительным):

«Чудо тебя спасло. Ты на том свете уж побывал... тридцать два часика трупиком, под простынькой вылежал... под образами! И головенка твоя была вот под этим местом, между лопатками... <...> Доклад о тебе пишу. Воспаление мозга у тебя было, да как-кое!.. О-те-ки уже появились... — Он поднял плечи от удивления и недоуменно развел руками. — Уж как ты это?.. как-то уж сам, брат, выдрался!..»³²

Таким образом, с точки зрения медицины, выздоровление Тонички необъяснимо. Но для двух человек в семье оно вполне ясно. Произошло это чудо по трём причинам.

Во-первых, Тоничку причащали.

Во-вторых, помогла шапочка, сшитая горничной Пашей («слезами всю измочила, глупая»), которую тётя Маша освятила на мощах преподобной княгини Евфросинии в Вознесенском монастыре Кремля:

«Надели мы на тебя, а ты и обмер!.. Переложили мы тебя под образа, простынькой накрыли. Два дня не дышал, как мертвый... А вот — и опять Тоничка у нас!..»³³

31 Шмелев И.С. История любовная. С.218–219.

32 Там же. С. 219.

33 Там же.

И в-третьих, — и это самое главное — Паша спасает Тоню своей жертвой: за его жизнь она обещает Богу стать монахиней. И после этого Тоничка выздоравливает. Паша исполняет обещание — уходит в женский монастырь в Хотьково. Уход Паши в монастырь у И. С. Шмелёва промыслителен. Слишком много совпадений. Во время болезни Тони в доме оказывается монахиня из Хотькова — мать Маргарита, она и говорит Паше, чтобы та дала Богу какое-либо обещание, чтобы Тоня выздоровел:

«Даст Бог, молись — и даст Бог, обещаешь чего по душе!..»³⁴

И она дает такое обещание.

Исследователями ранней прозы И. С. Шмелёва ещё было отмечено, что ключевым образом его произведений является «образ страдающего человека, стойко переносящего все невзгоды и беды, но не теряющего веры в Бога, любви к жизни и людям»³⁵.

Однако Паша поднимается у И. С. Шмелёва на исключительную высоту. Духовно она выше всех в романе, она, как и другие праведники (старец Варнава Гефсиманский, Горкин, Анна Ивановна и другие), облачается писателем в сияние света:

«Она показалась мне светлой-светлой, как белая невеста»³⁶.

Маленькая сирота, к тому же прислуга в доме, исполняет заповедь Христову о любви к ближнему:

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы, да и вы любите себе: о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 34).

Подобно Иисусу Христу, принесшему свою жизнь за спасение мира, она просит Христа принять её жизнь (точнее, отказ от жизни в миру) за спасение ближнего, чем в полной мере на деле поднимается на высоту Христовой любви и осуществляет христианский идеал:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Всех людей, весь мир спасает от смерти Христос — Своей добровольной смертью, Своей жертвой. «И тебя Христос искупил

34 Шмелев И.С. История любовная. С. 235.

35 Шестакова Е. Ю. Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 148.

36 Шмелев И.С. История любовная. С. 235.

от смерти»³⁷, — обращены к Ване слова Горкина в романе «Лето Господне». А в романе И. С. Шмелёва «История любовная» горничная Паша в жертвенном порыве (и в свою меру) уподобляется Христу. Как Христос «смертью смерть поправ»³⁸ ради всех людей, так же и Паша на своем уровне «побеждает» смерть Тони своей «смертью»: принесением себя (своей жизни в миру) в жертву Богу (с обещанием принять монашество) за жизнь ближнего. Таким образом, жертва Паши возносит её на высоту заповеданной Христом любви к ближнему, и она побеждает «грязный, поганый Грех»³⁹, который должен был убить Тоню. Она перерастает мир, и теперь её место — в монастыре, в особой близости к Богу, в месте Его особенного присутствия. Из мира земного (из Москвы) она уходит в мир Божий (в монастырь), из мира большого грехом — в мир чистоты и любви Божией. Переход⁴⁰ этот она осуществляет через жертву, через уподобление Христу, то есть через добровольное принятие на себя креста (жертвы по любви) за другого человека.

Заключение

Тема смерти занимает одно из центральных мест в творчестве И. С. Шмелёва. Человек важен и интересен писателю не только в жизни, но и в смерти. Анализ темы смерти в прозе И. С. Шмелёва показывает, что её художественное изображение у писателя имеет определённую систему. Эта система вытекает из православного мировоззрения автора. Изображая того или иного героя, автор задается вопросом: а как он умер? Или: как он может умереть? Отсюда различие типов смертей у И. С. Шмелёва.

Образ смерти ставится в зависимость от нравственного уровня человека: праведникам писатель обычно дает смерть с христианским приготовлением, о времени которой герой узнаёт заранее, а грешники, большей частью, умирают внезапно.

Писателя также интересует и посмертная судьба героев. Оценка этой судьбы он вкладывает или в уста положительного героя (резонёра), либо в эмоциональный тон повествования (мажорный или минорный).

Проблема смерти всеобща. Практически каждый из русских писателей-классиков пытался найти если не разрешения её, то хотя

37 Шмелев И. С. Лето Господне. Праздники. Крестопоклонная // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 1998. С. 254.

38 См. тропарь Пасхи: «Христос воскрес из мёртвых, / смёртию смерть поправ, // и сущим во гробех живот даровав».

39 Шмелев И. С. История любовная. С. 185.

40 Слово «Пасха» в переводе с древнееврейского в буквальном смысле означает «переход».

бы утешения в ней. В отличие от других писателей (например, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева), И. С. Шмелёв в описании смерти акцентирует внимание на догматических моментах. Смерть для него — разлучение души и тела. Тело остается на земле, как старая одежда, а душа выходит из тела и идет либо в рай, либо в ад.

И. С. Шмелёв показывает, что для праведников смерть не страшна, она лишь переход в иной мир — к любящему их Богу. Страшит же смерть только грешников, которые заранее предчувствуют будущие посмертные мучения.

Верующий человек в изображении И. С. Шмелёва живет с постоянной памятью о смерти. Эта память является одним из аскетических приемов. Парадоксальность памяти смертной в творчестве И. С. Шмелёва заключается в том, что она не угнетает, не наводит мрак, не лишает жизненных сил, а, наоборот, даёт человеку энергию для совершения добрых дел и предохраняет от грехов. Все праведники у И. С. Шмелёва живут с памятью смертной. Даже самых занятых людей эта память заставляет задуматься о вечности и спасении души.

За порогом смерти у И. С. Шмелёва не тьма, а свет. Свет Божественный, который пронизывает всё: и этот, и тот миры. Такое видение человека в творчестве И. С. Шмелёва опирается на православный догмат о боговоплощении и на учение о преображении человека благодатью Божией. Смерть не страшна больше, ибо и там (в смерти и за смертью) воскресший Иисус Христос.

Тем не менее смерть у И. С. Шмелёва — самая большая утрата: «Смерть одного из родителей, безусловно, является тяжелейшим потрясением для детского разума»⁴¹, но эта утрата согрета надеждой на грядущее воскресение мёртвых и будущую встречу в Царствии Небесном. Герои И. С. Шмелёва принимают смерть как последнюю скорбь на пути к вечной жизни. Но и саму смерть, и все скорби и страдания герои И. С. Шмелёва преодолевают силой веры, надеждой на помощь Божию, любовью к Богу и ближним, милосердием.

Победа над смертью для И. С. Шмелёва возможна: совершить её может жертвенная любовь⁴², которая оказывается сильнее смерти

41 *Илиев Н. И.* Отражение детского восприятия смерти в тексте романа И. С. Шмелева «Лето Господне» и повести Л. Н. Толстого «Детство» // *Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки. Сборник материалов XXXVI Международных Толстовских чтений, посвященных 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.* Тула, 2018. С. 32.

42 Как и в эпилоге романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Их воскресила любовь». См.: *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // ПСС. 2019. Т. 7. С. 527.

и возводит человека к самому Христу, уподобляет Сыну Божию, Который по любви принёс Себя в жертву за весь мир. Таким образом, у И. С. Шмелёва в полноте выражается новозаветное понимание, что Господь Иисус Христос, как говорит свт. Иоанн Златоуст, «не только обезоружил и победил смерть, но истребил ее и обратил в ничто»⁴³. «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа» (1 Кор. 15, 55), — риторически вопрошает ап. Павел. И если в ветхозаветной «Песни Песней» Соломона любовь практически уравнивается со смертью в своих силе и власти над человеком, «крепка, как смерть» (Песн. 8, 6), то ап. Иоанн Богослов уже утверждает, что любовь сильнее смерти: «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3, 14).

Источники

- Joannes Chrysostomus*. In epistulam I ad Corinthios (homilia 42) // PG. T. 61. Col. 361–368.
- Иоанн Златоуст, свт. Беседы на 1-е послание к Коринфянам XLII // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского, в русском переводе. Т. 10. Кн. 1. Санкт-Петербург: Изд. СПбДА, 1904. С. 432–437.
- Шмелев И. С. Росстани // Шмелев И. С. Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 1. Москва: Русская книга, 1998. С. 157–224.
- Шмелев И. С. История любовная. Роман // Шмелев И. С. Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 6 (доп.). Москва: Русская книга, 1999. С. 13–240.
- Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье // Шмелев И. С. Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 4. Москва: Русская книга, 1998. С. 15–520.
- Шмелев И. С. Няня из Москвы. Роман // Шмелев И. С. Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 3. Москва: Русская книга, 1998. С. 11–190.

Литература

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Москва: «Прогресс-Академия», 1992.
- Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Москва: «Прогресс-Академия», 1992. С. 5–32.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: [в 35 т.]. Художественные произведения: [тома 1–17]. Т. 7: Преступление и наказание: рукописные редакции. Наброски 1864–1867. Санкт-Петербург: Наука, 2019.
- 43 *Joannes Chrysostomus*. In epistulam I ad Corinthios (homilia 42) 2 // PG. 61. Col. 365:21–22: «Οὐδὲ γὰρ ἀφώπλισε μόνον αὐτὸν οὐδ' ἐνίκησεν, ἀλλὰ καὶ ἀπώλεσε, καὶ εἰς τὸ μηδὲ ὄλως εἶναι κατέστησεν». Рус. пер.: Иоанн Златоуст, свт. Беседы на 1-е послание к Коринфянам XLII, 2 [1 Кор. 15, 55] // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского, в русском переводе. Т. 10. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1904. С. 435.

- Илиев Н. И.* Отражение детского восприятия смерти в тексте романа И. С. Шмелева «Лето Господне» и повести Л. Н. Толстого «Детство» // Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки. Сборник материалов XXXVI Международных Толстовских чтений, посвященных 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Тула: Изд. Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, 2018. С. 30–33.
- Сорокина О. Н.* Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. Москва: Московский рабочий; Скифы, 1994.
- Толстой Л. Н.* Три смерти. Рассказ [1859] // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: [в 22 т.]. Т. 3: Произведения 1857–1863 гг. Москва: Художественная литература, 1979. С. 59–71.
- Толстой Л. Н.* Смерть Ивана Ильича [1886] // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: [в 22 т.]. Т. 12: Повести и рассказы 1885–1902 гг. Москва: Художественная литература, 1982. С. 54–107.
- Тургенев И. С.* Отцы и дети // *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: [в 30 т.] / ред. М. П. Алексеев и др. Т. 7: Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861–1867. Москва: Наука, 1981. С. 5–188, 416–469.
- Шестакова Е. Ю.* Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151.